

Мехен Альфред Тейер.

**Влияние морской силы на
французскую революцию и
империю. 1793-1812**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред Тейер. М.**
Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793-1812: Том 2 / Мехен
Альфред Тейер. – М.: Книга по Требованию, 2023. – 314 с.

ISBN 978-5-519-96356-5

ISBN 978-5-519-96356-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА XII

СОБЫТИЯ НА КОНТИНЕНТЕ 1798—1800 гг.

Расстройство Франции при Директории. — Бедственная война Второй Коалиции. — Учреждение Консульства. — Бонапарт побеждает Австрию и организует против Великобритании Вооруженный Нейтралитет 1800 г. — Люневильский мир с Австрией.

Пока Бонапарт совершал переход через Сирийскую пустыню и томился под осажденною им Акрою, над Францией разразилась давно уже собиравшаяся гроза — война Второй Коалиции. Ей предшествовало преждевременное открытие враждебных действий со стороны обеих Сицилий, вызванное возбуждением, последовавшим за Абукирскою битвою, и поддержанное Нельсоном.¹ Вопреки совету Австрии — подождать, 22 ноября 1798 года Франции было послано предложение очистить Папские области и Мальту. К Риму была двинута пятидесятитысячная неаполитанская армия, и, кроме того, пятитысячный отряд, который предназначался для того, чтобы затруднить неприятелю отступление, был перевезен в Ливорно на судах Нельсона.² Ливорно немедленно же сдался, но на юге кампания окончилась полной неудачей. Французский генерал Шампионне (Championnet), имея в своем распоряжении лишь пятнадцать тысяч солдат, очистил Рим, который затем и был, без сопротивления, занят неаполитанцами. Что же касается военно-полевых операций последних, то они сопровождались целым рядом постыдных неудач, зависевших отчасти от неумелого командования и отчасти от неопытности и нередко проявляющегося среди неиспытанных войск недостатка взаимного доверия. Через семнадцать суток после начала кампании французы вторично вступили в Рим, неаполитанский же король, устроивший раньше торжественное вшествие в город, поспешил назад в свою столицу и, обратившись к народу с воззванием, приглашавшим его ополчиться на защиту от неприятельского нашествия своих родных очагов, уехал с семьей в Палермо, воспользовавшись, вместе с Гамильтонами, для этого перехода флагманским кораблем Нельсона. Между тем крестьяне и вообще простой народ взялись за оружие. Предводимые своими патерами и монахами, они с упорной, хотя и не

¹ См., напр., письмо его к леди Гамильтон от 3 октября 1798 года (Disp., vol. III, p. 140), являющееся лишь одним из многих подобных же заявлений в его корреспонденции.

² Nelson's. Dispatches., vol. III, p. 177.

дисциплинированной, яростью противодействовали наступлению французов и в то же время произвели в столице восстание против высших классов, заподозренных ими в тайном соглашении с неприятелем. Однако же Шампионне продолжал подвигаться вперед и 23 января 1799 года взял приступом Неаполь. Последовавший за оккупацией ряд благоразумных уступок взглядам народа заставил его с готовностью сложить свое оружие. После этого завоевания семья республик — Батавской, Гельветической, Лигурийской, Цизальпинской и Римской — обогатилась новой «маленькой сестрой» — Партенопейской¹ республикой, исполненное треволнениями существование которой было столь же кратковременно, сколь длинно было ее название.

Объявление войны неаполитанцами повело к уничтожению Пьемонтской монархии. Ввиду вероятности военных действий с Австрией, Директория решила занять весь Пьемонт, король которого отрекся 9 декабря 1798 года от престола и удалился на оставленный в его владении остров Сардинию. Пьемонт же вскоре после этого был присоединен к Французской республике.

20 февраля 1799 года Директория, не получив от императора ответа на свой запрос относительно вступления русских войск в пределы его владений, предписала своим начальникам двинуться вперед. Журдан командовал французскими военными силами в Германии, Массена — в Швейцарии и Шерер — в Италии. Республиканские армии, ослабленные двухлетним миром и хозяйственной системой правительства, постоянно нуждавшегося в деньгах и не отличавшегося распорядительностью, были повсюду слабее неприятеля; что же касается самого плана кампании, предусматривавшего несколько операций, которые не могли служить поддержкой друг другу, то он признан уже военными критиками ошибочным по самому своему существу.

1 марта Журдан переправился под Страсбургом через Рейн, направляясь через Шварцвальд к верховьям Дуная; 6-го же числа переправа была совершена (выше Боденского озера) и Массеною, который затем двинулся через Альпы к Тиролю, заставляя австрийцев отступать перед собой как на правом фланге, так и в центре. Что же касается левого фланга, то здесь он потерпел полную неудачу в деле завладения важной позицией у Фельдкирха (Feldkirch), которая должна была обеспечивать сообщение между его левым крылом и правым крылом Журдана, если бы последнему удалось исполнить предписанное ему наступательное движение. Однако же он не был в состоянии сделать это. После нескольких серьезных частных столкновений 25 марта состоялось под Штокахом (Stokach), близ северо-западной оконечности Боденского озера, правильное сражение, в котором французы были разбиты. После этого Журдан, видя, что ему приходится иметь дело с гораздо более сильным противником, отступил к Рейну и 6 апреля снова переправился через него несколько выше Страсбурга.

¹ Партенопей — древнее название города Неаполя.

26 марта, т. е. на другой день после поражения Журдана под Штокахом, Шерер атаковал в Италии австрийцев, занимавших позицию по течению реки Адиг, получившей громкую известность благодаря великой кампании Бонапарта в 1796 году. События этого дня были в общем благоприятны французам, но Шерер выказал при этом нерешительность и промедлил с эксплуатацией достигнутых успехов. После недельного маневрирования обе армии сошлись 5 апреля близ Маньяно (Magnaпо), и в результате продолжительного и кровопролитного боя французы принуждены были отступить. 6-го числа, т. е. в тот самый день, когда Журдан перешел обратно за Рейн, Шерер также переправился назад через Минчио. Хотя австрийцы и не преследовали французов, но Шерер все же не считал себя здесь в безопасности и, оставив гарнизоны в отдельных постах этой линии, отступил 12 апреля за Адду, послав при этом предписание Макдональду, сменившему Шампионне в Неаполе, приготовиться эвакуировать королевство и привести в северную Италию свой тридцатитысячный отряд, в помощи которого ощущалась теперь такая крайняя надобность.

Так как после сражения под Штокахом Журдан отказался от командования, то начальство над обеими армиями, германской и швейцарской, сосредоточилось теперь в руках Массены. Его стратегический фронт, начинавшийся у Энгадена (Engadine), огибавший истоки Инна и доходивший затем по течению Рейна до Дюссельдорфа, отличался длиной, но наличные боевые силы были невелики и состояли всего лишь из ста тысяч человек, две трети которых находились в Швейцарии. При том положении, которое занимает Швейцария, выдвинувшаяся к востоку от границ Франции и примыкающая одним своим флангом к германским равнинам и другим — к итальянским, с многочисленными проходами с обеих сторон, задача обороны представляет большие трудности.¹ С обоих флангов и с фронта Массене угрожали неприятельские армии, силы которых значительно превышали его собственные. Теснимый на Рейне, как выше, так и ниже Боденского озера, он был вынужден отступить к укреплениям, возведенным им около Цюриха, отказавшись от непосильной задачи — помешать соединению надвигавшихся с обеих сторон неприятельских сил. 4 июня австрийцы атаковали его линии, и хотя атака их и была отбита, но, тем не менее, Массена признал нужным очистить через двое суток свою позицию и отступил к Альбисским (Albis) горам, находившимся в тылу его расположения, в расстоянии всего лишь нескольких миль.

¹ В совершенно открытой стране, не представляющей никаких естественных преград, бывает мало или же и вовсе не бывает таких стратегических пунктов, которые, находясь в центре позиций и будучи заняты слабейшей стороной, облегчали бы ее действия против разрозненных неприятельских масс. Наоборот, в сильно пересеченной стране, подобно Швейцарии, важные стратегические пункты, как то: проходы, вершины долины, мосты и пр., бывают так многочисленны, что приходится оставлять некоторые из них незанятыми, так как в противном случае обороняющиеся, разбросав свои силы, лишались бы тех выгод, которые обыкновенно приносит с собою сосредоточение в одном или двух командующих центрах.

В течение тех двух месяцев, пока длилась борьба Массены с противостоящими ему неприятелями, дела французов в Италии принимали все худший и худший оборот. После победы под Маньяно, а именно 24 апреля, к австрийцам прибыло подкрепление — двадцатитысячный русский корпус под командой фельдмаршала Суворова, принявшего затем главное начальство над союзными армиями. 26-го числа Шерер передал командование Моро, но, хотя последний и был весьма талантливым офицером, его назначение состоялось настолько поздно, что уже нельзя было предотвратить всех надвигавшихся бедствий. 27 апреля союзники форсировали переправу через Адду, а 29-го числа вступили уже в Милан; французы отступили на Тичино, уничтожив при этом мосты на реке По и приняв надлежащие меры для обеспечения своих сообщений с Генуей. Остановившись здесь лишь на самое короткое время, они продолжали затем свое отступление уже двумя колоннами, одна из которых направилась на Турин, а другая — на Александрию. К последнему пункту Моро стягивал большую часть своих сил — около двадцати тысяч человек, послав притом Макдональду настойчивое предписание ускорить движение к северу Неаполитанской армии. Новые позиции были заняты 7 мая, австро-русские же войска, задержанные неимением мостов, могли переправиться через По не раньше 5-го числа этого месяца. Восстание, проявившееся по всей стране, показывало, что, несмотря на изъясненную раньше населением покорность и на образование новых республик, на стороне Франции не было искренней симпатии, и Моро, оставив в Александрии гарнизон, отступил 18 мая к Апеннинам. 6 июня его силы были распределены кордонами между наиболее важными пунктами этого горного хребта, начиная от Понтремолли, расположенного выше Специи, и до Лоано, куда благополучно перевалили через горы все его обозы. В то же время Моро свиделся с адмиралом Брюи, флот которого двумя сутками раньше стал на якорь в бухте Вадо.

Пока описанные выше события происходили в верхней Италии, Макдональд, повинаясь полученным приказаниям, эвакуировал Неаполь, что как раз совпало с тем временем (7 мая), когда Моро занимал свои позиции на Апеннинах и Бонапарт последний раз безуспешно штурмовал Акру. Оставив гарнизон в главных укрепленных пунктах королевства, Макдональд поспешил на север и 25-го вступил во Флоренцию, находясь в которой он хотя и был еще весьма далек от соединения с Моро, но все же мог уже впервые вступить с ним в надежные сношения при посредстве курьера. Было два пути, которыми мог воспользоваться Макдональд: во-первых, он мог идти вдоль морского берега, причем, однакоже, артиллерия не была бы в состоянии следовать за ним; или же — пересечь Апеннины и на равнине, лежащей к югу от По, вступить на лучшую дорогу, которая через Модену и Парму привела бы его к соединению с итальянской армией под стенами Тортоны. Этот последний путь и был избран на самом деле, и неаполитанская армия, после чрезмерно затянувшегося отдыха, выступила 9 июня снова в поход. Все шло хорошо до 17-го числа, когда, миновав Модену

и Парму и обратив в бегство попавшиеся на пути отряды союзников, Макдональд достиг Требии. Здесь, однако, он встретился с Суворовым и после трехдневного отчаянного боя был принужден отступить и по прежней дороге вернуться на свои старые позиции по ту сторону гор. В тот же самый день сдалась союзникам Туринская цитадель. Пройдя некоторое расстояние за Макдональдом, Суворов прекратил преследование и повернул навстречу Моро, которого затем также заставил отступить на прежние позиции. Эта злощастная попытка произвести соединение в пределах неприятельских линий стоила французам пятнадцати тысяч человек. Для неаполитанской армии было теперь необходимо во что бы то ни стало пройти в Геную Корнишской дорогой, что ей действительно и удалось исполнить вследствие бездействия неприятеля, которое, по словам Жомини, не зависело от Суворова, но было вызвано распоряжениями из Вены. К середине июля обе французские армии соединились уже под начальством Моро. Вызванное необходимостью очищение французскими войсками Неаполя имело своим последствием то, что страна сразу же попала во власть народных ополчений, за исключением лишь нескольких укреплений, снабженных французскими гарнизонами, которые, впрочем, также, под давлением английского флота, были вынуждены сдать к 1 августа.

Это яркое практическое подтверждение верности взглядов Бонапарта относительно той опасности, которую французы навлекли на себя в верхней Италии попыткой занять Неаполь, сопровождалось еще дальнейшими несчастьями. 21 июля сдалась на капитуляцию Алессандринская цитадель, а 30-го французы потеряли Мантую, причинившую в 1796 году столько замедления и тревог Бонапарту. Этот последний успех был куплен, однакоже, несколько дорогой ценой, так как германский император категорически запретил Суворову всякое дальнейшее наступление до тех пор, пока не будет взята Мантуя.¹ Между тем Моро и Макдональду был, таким образом, дан удобный случай произвести соединение и реорганизовать армию последнего, приведенную делом под Требией и последующим поспешным отступлением в такое расстройство и расслабление, что месячного срока было ей недостаточно для того, чтобы вполне оправиться. Задержка эта была бы еще благоприятнее для французов, если бы Мантуя держалась до последней возможности, но она капитулировала на несколько дней раньше крайнего срока, и Суворов благодаря этому мог, без ведома неприятеля, вытребовать к себе на помощь осаждавшие эту крепость корпуса.

Пока все это происходило, Моро был сменил Жубером, одним из наиболее блестящих молодых генералов, сражавшихся под начальством Бонапарта в Италии. Новый начальник, прибыв 2 августа в свою главную квартиру, сразу же решил перейти в наступление, к чему его побуждало желание освободить Мантую, а также и трудность продовольствовать армию в бесплодной горной местности, лишившейся с уничтожением прибрежного генуэзского судо-

¹ Говорят, что старый фельдмаршал, получив эти приказания, воскликнул: „Вот как губят армии!“.

ходства бывших до тех пор в ее распоряжении перевозочных средств.¹ 10 августа французы двинулись вперед и 14-го заняли позицию под Нови; здесь Жубер убедился — хотя и слишком поздно — в том, что армия Суворова была гораздо сильнее, чем он ожидал, и что слухи о падении Мантуи, которым раньше он отказывался верить, имели основание. Решено было отступить, но русский фельдмаршал на следующее же утро произвел атаку. После жестокого боя, который французы, пользуясь своей сильной позицией, выдерживали до самой ночи, они принуждены были, наконец, оставить поле сражения; в руки русских попало при этом тридцать семь пушек. Французы понесли в этот день большой урон; четыре генерала были взяты в плен, а сам Жубер был убит еще задолго до наступления вечера. По соглашению генералов, временное командование армией снова принял Моро, оставшийся на некоторое время при главной квартире для ознакомления нового главнокомандующего со всеми подробностями дела. Немедленно же после этого сражения Суворов послал отряд войск в бывшие Папские области, и отряд этот, действуя совместно с неаполитанскими роялистами и английским флотом, принудил французов эвакуировать 27 сентября 1799 года новую Римскую республику.

В тот самый момент, когда успех увенчал действия союзников, правительством их были сделаны новые распоряжения, внушенные, повидимому, Австрией, которая желала путем удаления Суворова взять в свои руки полный контроль над Италией. Произведенное в такой критический момент, это изменение военного плана положило конец совершавшемуся до тех пор триумфальному шествию вперед и, дав время Бонапарту прибыть на место и принять участие в действиях, обратило победу в поражение. В силу нового распоряжения, Суворов должен был перейти через Альпы в Швейцарию и здесь, во главе армии, состоявшей по большей части из русских, вести кампанию против Массены. Прежнему же главнокомандующему в Швейцарии, эрцгерцогу Карлу, предписано было с большей частью австрийских войск идти на нижний Рейн, откуда он должен был поддерживать своими операциями готовое начаться вторжение в Голландию.

13 августа — в тот самый день, когда Брюи вошел с испанским флотом в Брест и за два дня до сражения под Нови — из Англии была отправлена против Голландии военная экспедиция, в состав которой входило семнадцать тысяч русских и тридцать тысяч англичан. Вследствие замедления из-за слабого ветра и затем из-за сильного волнения на море высадка десанта могла состояться не раньше 27-го числа. 31 августа эрцгерцог с тридцатью шестью тысячами австрийцев выступил в поход на нижний Рейн, оставив генералов Готце (Hotze) и Корсакова продолжать, до прибытия Суворова, наступление на Массену. 11 сентября, немедленно же после сдачи Тортоны, начался и северный поход Суворова.

¹ Jomini, *Guerres de la Rév. Fran.*, livre XV, p. 124. Martin, *Hist. de France depuis 1789*, vol. III, p. 50. Как раз в это самое время Нельсон послал в Генуэзский залив отряд судов, который должен был оказывать содействие Суворову (Nelson, *Disp.*, vol. III, p. 431).

В то самое время, когда эрцгерцог вступил в свое новое командование, французская армия, оперировавшая на нижнем Рейне, переправившись через него под Мангеймом, обложила Филиппсбург и приступила к его бомбардированию. Действия эти казались настолько серьезными, что эрцгерцог направился к месту их с значительной частью своих сил, весьма чувствительно уменьшив, таким образом, одно из затруднений, представлявшихся Массене в осуществлении задуманного им наступления. Узнав в то же время о состоявшемся уходе Суворова из Италии, Массена произвел 25 сентября, на своем левом крыле, атаку, направленную главным образом против русских, стоявших под Цюрихом, и подержанную наступлением правого крыла его длинного фронта на австрийскую позицию, расположенную к востоку от Цюрихского озера, на его притоке — Линте. Обе эти операции были вполне успешны и дали решительные результаты: неприятель и тут и там был оттеснен назад и принужден переправиться через реку, выше и ниже озера. Суворов, после весьма трудных маршей и жестоких стычек с неприятелем, достиг своего первого сборного пункта у Муттена через двое суток после того, как было проиграно Цюрихское сражение; но корпуса, которые должны были там встретиться с ним, опасаясь, что неприятель отрежет им путь отступления, не стали его дожидаться. Старый фельдмаршал с большим трудом пробился тогда через горы в Иланц и тут, наконец, собрал свои измученные и расстроенные силы 9 октября, т. е. в тот самый день, когда Бонапарт высадился в Фрежусе после возвращения своего из Египта. К этому времени Швейцария была уже окончательно очищена как русскими, так и австрийцами, и река Рейн составляла выше и ниже Боденского озера демаркационную линию между воюющими сторонами.

Англо-русская экспедиция против Голландии дала не лучшие результаты. Союзники высадились на полуостров, образуемый Зюйдер-зе и Северным морем, и вначале имели успех, но, действуя крайне осторожно и медленно, они дали голландцам время организовать местную оборону и получить подкрепления. Остатки голландского флота были взяты в плен и отведены в Англию, но вместе с тем герцог Йоркский, главнокомандующий сухопутными силами союзников, был вынужден подписать 18 октября конвенцию, которой предоставлялось им беспрепятственно отправиться обратно к 1 декабря.

В течение остальных трех месяцев 1799 года состоялось еще несколько столкновений как в Германии, так и в Италии, причем в последней французы потерпели ряд неудач, завершившихся 4 декабря капитуляцией единственного оставшегося еще у них в Пьемонте укрепления — Кони (Coni) и последовавшим за тем отступлением их армии в Гекузскую ривьеру. Так как Корфу и Ионические острова были еще в предшествовавшем марте взяты союзным русско-турецким флотом, а Анкона сдалась 10 ноября, то ко времени падения Директории у Франции не оставалось уже в Италии и Адриатическом море ничего из завоеваний Бонапарта. Храбрые солдаты итальянской армии, изнуренные голодом и всевозможными лишениями, не получая жалования и не имея ни пищи, ни одежды

и обуви, ни даже хворосту, чтобы развести костры и согреться около них в суровые зимние ночи, проведенные ими на горных склонах Апеннин, дезертировали целыми толпами и пробирались затем внутрь страны. В результате этого в некоторых полках остались налицо одни лишь офицеры и унтер-офицеры. От свирепствующей эпидемии гибли сотни людей. Шампионне, удрученный своими неудачами и зрелищем окружавших его бедствий, занемог и умер. На его место Бонапарт, бывший в то время уже Первым консулом, назначил Массену.

В Германии не произошло никаких решительных операций, но Суворов, вследствие несогласия во взглядах с эрцгерцогом, отказался от дальнейшей совместной деятельности и, сославшись на безусловную необходимость в отдыхе для его солдат, изнуренных лишениями, которые они претерпели в Швейцарии, повел их в конце октября на зимние квартиры в Баварию. Этим и закончилось участие русских во второй коалиции. Царь, думавший при начале войны о восстановлении прав свергнутых монархов и их тронов, остался недоволен как Австрией, стремившейся к господству в Италии, так равно и Великобританией. Двенадцать месяцев спустя он стоял уже во главе лиги Северных государств, направленной против предъявляемых на море притязаний великой морской державы, и, очарованный военным гением и тонкой лестью знаменитого полководца, был уже вполне дружественно к нему расположен.

В этот бедственный год, в течение которого Франция потеряла всю Италию, за исключением лишь узкой прибрежной полосы около Генуи, и едва была в силах ценой отчаянной борьбы, длившейся целые месяцы, удержать за собой свои владения в Швейцарии, Германии и Голландии, внутреннее состояние страны было весьма плачевно. Революционное правительство, действуя через посредство Комитета Общественного Спасения и пуская в ход данные ему чрезвычайные полномочия, было еще в состоянии более или менее успешно удовлетворять насущные потребности, хотя при этом оно и подготовляло постоянно все новые затруднения ко дню окончательного расчета. Директория же, не облеченная подобной властью, унаследовала все эти затруднения — и день расчета наступил. Выше уже было показано, каким образом дух реакции распространился все больше и больше, пока, наконец, в 1797 году он настолько уже охватил политический состав обоих советов, что обусловил даже серьезное столкновение между ними и исполнительной властью. Это нарушение правильного действия правительственного механизма было устранено, и гармония была восстановлена насильственными мерами, принятыми в сентябре 1797 года, причем два члена Директории и несколько депутатов Законодательного собрания были силой удалены со своих мест. Однакоже партии, к которым принадлежали исключенные депутаты, представлявшие собой два совершенно различные оттенка политических взглядов, не перестали существовать. В 1798 году, при годовых выборах, производимых для замещения одной трети членов Законодательного собрания, они снова избрали столько представителей, что советы могли вторично стать в оппозицию с Директорией; однакоже в этом году решение изби-

рателей было расстроено системой двойных выборов. Заседавшие советы, принадлежавшие к одной политической партии с Директорией, опротестовали эти выборы, озаботившись вместе с тем о том, чтобы в новом составе собрания большинство было тех же взглядов, как и прежде. В мае 1799 года повторилось, однако, то же самое обстоятельство, — факт, заслуживавший особенного внимания, так как он свидетельствует о существовавшей в стране оппозиции правительству.

Эта оппозиция была вызвана такой причиной, какая в редких только случаях не лишает правительство его популярности: Директория не имела на своей стороне успеха. По окончании войны ей пришлось производить уплату по векселям, выданным в общей надежде на лучшее будущее, и она не была в состоянии сделать это. Хотя на материке и был уже заключен мир, но все же еще оставалось столько спорных и щекотливых вопросов, что приходилось по-прежнему содержать большие армии. Расходы государства росли, а между тем обедневшее население громко жаловалось на тяжесть налогов, взимаемых на их покрытие; сумма поступлений постоянно оказывалась меньше суммы издержек, а между тем меры, проектируемые министрами для устранения этого зла, встречали резкое порицание. Непопулярность правительства, порожденная его вялым образом действий, способствовала в свою очередь увеличению слабости, присущей самой форме правления. Обусловленное немощью головы, бессилие проникло и во все части административного механизма до самых крайних его звеньев.

По всей стране, а особенно на юго-западе ее, свирепствовали разбои, производившиеся в весьма крупных размерах и имевшие отчасти политический, а отчасти обычный грабительский характер. Беспорядки получались известия об остановленных дилижансах и почтовых повозках, ¹ о разграбленных казначействах и об убитых республиканских чиновниках. Беспорядки и грабежи распространились и в войске, составляя здесь естественное последствие скудости довольствия, к тому же еще неаккуратно выдававшегося, и системы контрибуций, почти безнаказанно применявшейся в поле начальниками армий. Сделанная было правительством попытка ограничить это злоупотребление и установить над ним свой контроль встретила сильный отпор одинаково как со стороны лучших, так и со стороны худших генералов. Одни считали, что подобная мера набрасывала бы некоторую тень на их честь и подрывала бы их авторитет, тогда как другие видели в этом лишение их привычной, хотя и незаконной, добычи. Два генерала, пользовавшиеся незапятнанной репутацией, Жубер и Шампионне, дошли на этом пункте даже до откры-

¹ Интересное указание на небезопасность езды по большим дорогам в ту эпоху дает распоряжение, сделанное Бонапартом через год после того, как он стал Первым консулом (7 января 1801 г.), чтобы ни один дилижанс, поддерживающий правильное сообщение, не был отправляем без капрала и четырех солдат, вооруженных мушкетами и снабженных двадцатью патронами; в ночное же время должны были еще сверх того назначаться в конвой два конные жандарма. При перевозке монеты на сумму свыше 50 000 франков жандармский конвой должен был как днем, так и ночью состоять из четырех человек (Corr. de Nap., vol. VI, p. 697).

того разлада с Директорией. Жубер отказался от командования итальянской армией, и Бернадот по той же самой причине не согласился заменить его; что же касается Шампионне, то он прямо заставил комиссара Директории выехать из неаполитанского королевства. Однако же за этот поступок он был отрешен от командования и предан суду. Вследствие слабости администрации и недостаточности доходов правительство вынуждено было прибегать к крайним мерам и к производству расходов за счет будущих поступлений. Были введены усиленные и более обременительные для населения налоги, но так как результаты их еще заставляли себя ждать, то правительству приходилось делать закупки в долг, причем, конечно, ввиду отдаленности и неверности платежа, цены назначались непомерно высокие, а товар поставлялся худого качества и в ненадлежащем количестве. От этого приходилось много терпеть лицам, состоявшим на государственной службе, и особенно солдатам, хотя им-то и нужно было бы уделять предпочтительное внимание: бедственное состояние легко вело к тому, что они вместе со своими офицерами становились в явно враждебные отношения с администрацией. Заключаемые на указанных условиях подряды только отсрочивали «черный день» ценой увеличивавшейся задолженности государства и возрастающей недобросовестности в среде подрядчиков и имевших с ними дело должностных лиц. Таким образом, затруднения и внутренний беспорядок все усиливались, не сопровождаясь притом же какими-либо соответственными внешними проявлениями энергии правительства, и последствия такого положения дел живо чувствовались всеми обывателями, за исключением только немногих лиц, ловкость или испорченность которых позволяла им богатеть в то время и по мере того, как общество погружалось в пучину бедствий. Кредиторы государства и особенно владельцы облигаций с трудом могли добиться уплаты хотя части следуемой им суммы. Среди общего недоверия и замешательства как отдельные лица, так равно и целые общины копили деньги и хлеб, побуждаясь к этому опасностями перевозки и страхом перед угрожавшим голодом. Этот застой во внутренних оборотах сопровождался еще полным прекращением морской торговли, обусловленным гнетом британского флота и неблагоприятным декретом 29 нивоза (19 января 1798 года).¹

Когда к этим внутренним бедствиям прибавились еще только что описанные военные неудачи, поднялся громкий и всеобщий ропот. Все партии сплотились тогда в общую оппозицию членам Директории, которые в 1799 году не решились уже повторить приемы, обеспечивавшие два последние года большинство в Законодательном собрании. 18 июня новым советам удалось произвести изменение в составе Директории, причем она была еще больше обессилена личной слабостью своих новых членов. Они поспешили отменить многие из распоряжений своих предшественников, но никакая перемена программы действий не могла уже восстановить утраченного престижа. Последствием этих мер явилась только дальнейшая утрата

2. ¹ См. ниже, глава XVII.